

Г. М. ШИПИЦЫНА
*(Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Белгород, Россия)*

УДК 811.161.1'373
ББК Ш141.12-3

ПРОЯВЛЕНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КРЕАТИВА В СЕМАНТИКО-ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ

Аннотация. В статье рассматриваются языковые механизмы образования устойчивых сочетаний слов, появившихся в русском языке последних десятилетий в связи с изменениями в языковых вкусах и речевом поведении разных слоев общества. К числу таких механизмов автор относит приобретение свободными словосочетаниями метафорического значения; освобождение лексического значения словосочетания от привязки к конкретному событию; сужение сочетаемости компонентов словосочетания; приобретение словосочетанием новых смыслов по принципу оксюморона или парадокса; существенный сдвиг в значении одного из компонентов словосочетания; эвфемизация семантики словосочетания; соединение слов по модели синекдохи и другие. Названы также факторы, обеспечивающие понимание новых фразеологизмов носителями языка: предыдущий опыт использования языковых средств, знание жизненной ситуации, особенности мотивировочной базы для появившегося значения и другие.

Ключевые слова: русский язык XXI века, новые фразеологизмы, семантика, деривация, прагматика, системность языка, речевая практика.

Язык фиксирует когнитивные и психические процессы познания и потому оказывается важным источником знаний о жизни и креативном потенциале народа. Способы языкового моделирования действительности данным этносом в той или мере характеризуют особенности его творческих возможностей, зависящих от уровня развития и особенностей культуры. Лингвокреативный потенциал носителей языка может проявляться в насыщении речи языковыми средствами, обновленными и обогащенными смыслами, в частности, такими, как оригинальное стилистическое оформление языкового материала, словотворче-

ство и создание новых словосочетаний (часть из них может стать воспроизводимыми и устойчивыми). Полагаем, что такие качества носителей русского языка проявились и при образовании большого числа новых устойчивых сочетаний слов, понадобившихся россиянам для языковой репрезентации современной картины мира. Рассмотрение фраземотворчества последних десятилетий и составляет предмет данной статьи.

Создание новых устойчивых сочетаний слов объясняется возросшей потребностью у носителей языка, кроме номинации явления, выразить еще и прагматическую значимость этого явления, в том числе оценку, эмоционально-экспрессивные нюансы этой оценки. Оценочная функция фразеологических единиц обусловлена денотативной ситуацией, конкретной жизненной практикой, отразившейся в воззрении человека на мир. Фразеологизмы аккумулируют наиболее важные для данной языковой общности смыслы и элементы ценностной ориентации. Прагматические семы всегда нужны для актуализации смысла слова или фразеологизма, вместе с тем многие из них не остаются неизменными в историко-культурной перспективе функционирования языковых средств. Часть сем их смысловой структуры с течением времени обновляется и становится главным фактором переосмысления значений как слов, так и фразеологизмов. Как писал В. В. Виноградов, «... изменения в характере пользования словом, в способе его восприятия обычно сопровождаются экспрессивной переоценкой слова» [Виноградов 1955: 23]. Для выражения многообразных смыслов в коммуникативной ситуации семантико-прагматических возможностей только отдельных слов бывает недостаточно, поскольку их образность значительно меньше, чем образность, созданная из сочетаний слов. Фразеологизация свободных словосочетаний – это особый способ выражения смыслов путем их картинно-образной репрезентации, определяемой культурно-историческими факторами и социокультурной средой, особенностями народной картины мира, а также, безусловно, характером отношений между элементами семантической системы языка.

Изменения в языковых вкусах и речевом поведении представителей разных слоев нашего общества активизировали семантико-деривационные процессы в русском языке XXI века с ис-

пользованием различных механизмов фразеоморфизации. Таких механизмов довольно много, они реализуются обычно в комплексе, с опорой на разные формы фразеологизации свободных словосочетаний. Тем не менее в каждом отдельном акте подобной деривации можно говорить о наиболее значимом механизме как ведущем в образовании данной неофраземы. К ведущим механизмам такой деривации можно отнести следующие:

- метафоризация свободного словосочетания (*встреча без галстуков, бюрократические игры, коридоры власти, потребительская корзина*);
- освобождение лексического значения словосочетания от привязки к конкретному событию (*вскочить в последний вагон, включить печатный станок*);
- сужение сочетаемости компонентов словосочетания вплоть до единственной для реализации нового смысла (*кредит доверия, бархатная революция, внутренние беженцы*);
- приобретение словосочетанием гиперболического эффекта на фоне буквального значения компонентов (*высшие эшелоны власти, (сослуживцы) съели сотрудника, война законов, убитая квартира*); опора на фигуру умолчания (*коммерческая цена, по финансовым соображениям, нецелевые расходы, первые лица государства*);
- создание сочетаний слов с нереальными, невозможными смыслами, если исходить из буквального содержания слов-компонентов словосочетания (*сесть на иглу, сесть на препарат, сесть на нефтяную иглу, заморозить цены (вклады), отпустить цены, плавающий рубль, порог бедности, мыльная опера, политический мертвец*);
- соединение слов, противоречащих друг другу по буквальному смыслу или традиции их сочетаемости по принципу оксюморона (*морская пехота, холодная война*);
- существенный сдвиг в значении одного из компонентов словосочетания: стержневого слова (*валютный коридор, волна эмиграции, финансовая пирамида, всемирная паутина, социальный взрыв, президентская гонка*) или зависимого слова (*деревянный рубль, подавленная инфляция, теневой бизнес (капитал и*

пр.), *горячая линия, сетевой фильтр*);

- эвфемизация семантики с надеждой на ее всеобщее понимания (*твердая рука, непопулярные меры, жареные факты, горячие точки, железный занавес, утечка (покупка) мозгов, отмывание грязных денег, компетентные органы, страховой случай, стерилизация бродячих собак*);

- образование новых смыслов по модели синекдохи (*малиновые пиджаки* (в значении «новые русские»), *красные береты, синие береты, голубые каски, кирзовые сапоги* (в значении «солдаты»).

Этот ряд деривационных моделей современного фразеоморазования далеко не исчерпан. В нем очевидны факты разнообразных трансформаций семантики входящих в словосочетания слов. Эти механизмы в целом обусловлены исторически сложившейся русской языковой картиной мира. В основе своей они традиционны и в целом, на наш взгляд, не противоречат социоэтническим и психологическим традициям прошлого в такой степени, чтобы принципиально изменить характерный для россиян способ воззрения на действительность и способ его представления в языке. В частности, это наблюдается в картинно-образной репрезентации денотатов с использованием в деривации таких внутренних форм, в которых представлены и семантическое толкование действительности, и ее прагматическая интерпретация, совмещенная еще и с таким важным качеством национальной ментальности, как народный юмор. В актах номинации наряду с объективно-отражательными процессами познавательной деятельности человека через внутреннюю форму передаются моменты фантазии и языкового творчества народа.

Носители языка эксплуатируют все возможности семантико-деривационной системы языка при образовании новых единиц, казалось бы, затрудняя понимание их смысла. Однако при обилии способов преломления семантики словосочетаний и их системных связей неологизмы быстро становятся средствами активного словаря современной коммуникации. Причины этого факта лежат в особенностях языкового сознания носителей языка: «Вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми

и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность» [Виноградов 1972: 17]. Можно сказать, что смысл новообразований детерминирован знаниями обыденной реальности и опытом использования языковых средств в народной речи с опорой на когнитивную ориентацию речемыслительного процесса, контекст и коммуникативную ситуацию. Характер мотивировки значения также способствует процессу усвоения его дискурсивного содержания носителями языка, даже в том случае если вне речевого отрезка эта мотивировка и не совсем ясная, поскольку «мотивировка текстуального смысла (его исходная внутренняя форма) может быть и в самом тексте» [Новиков 2002: 87].

Часть механизмов образования новых устойчивых сочетаний слов основывается на принципе парадокса, обеспечивающем новообразованиям стилистику юмора как важного и востребованного качества народной русской речи. Природа возникновения основанных на парадоксе словосочетаний сугубо речевая и связана с намерением говорящего удивить, рассмешить, обескуражить своего слушателя. Парадоксальность смысловой структуры новых фразеологизмов (как и давно образовавшихся) объединяет общая идея нетрадиционности, неожиданности соединения слов, противоречащая здравому смыслу как невозможная в реальном мире. Парадоксальность образований может принимать различные формы репрезентации языкового сознания как факты коррекции обыденного мировосприятия. При этом мотивировочная база неофразем обычно многомерная, панорамно представляющая действительность. Она вбирает в себя элементы интертекстуальных связей с различными кодами культуры. Тем самым семантика фразеологизмов базируется на нескольких информационных полях, что выражается средствами языка, выбором разнообразных семантико-деривационных моделей фразеомообразования. Приведем пример новообразования по принципу парадокса.

В частности, это парадоксальная сочетаемость с объединением названия некоторого объекта с признаком, который не может быть его качеством ни в каких реальных ситуациях. Например, *мыльная опера* в значении «многосерийный телевизионный сериал». Словом *опера* в его основном и единственном значении

называется объект культурного предназначения («музыкальное драматическое произведение, сочетающее инструментальную музыку с вокальной и предназначенное для исполнения в театре» МАС-2), связан со сферой искусства, причем, искусства элитарного, для восприятия которого необходимо определенное духовно-культурное развитие личности. Определение же *мыльная* в буквальном основном значении определяется как «содержащий мыло», то есть «вещества из жиров и едких щелочей, растворимое в воде и употребляемое для мытья и стирки» (МАС-2). Конечно, семантика имени прилагательного может трансформироваться в зависимости от того, с каким конкретно именем существительным это имя прилагательное сочетается. Для имен прилагательных характерна полная дискурсивная свобода в обновлении смыслов словосочетания, что порождает семантическую диффузность словосочетания. «Результатом этой дискурсивной свободы имени прилагательного и является семантическая многомерность или стереоскопия текста» [Раевская 2003: 69]. Однако даже и при этом носителям языка ясно, что опера как музыкальное произведение не нуждается в намыливаниях и стирке. Парадоксальный сюжет конструкции носит характер абсурда на уровне поверхностного (сюжетного) смысла, основанного на прямых лексических значениях компонентов такого словосочетания. В таких случаях для понимания смысла конструкции носителю языка необходима опора на все потенциально возможные смыслы сочетающихся слов. При этом «смысловые явления могут существовать в скрытом виде, потенциально, и раскрываться только в благоприятных для этого раскрытия смысловых культурных контекстах последующих эпох» [Бахтин 1979: 332]. Так, для уяснения контекстного смысла имени прилагательного *мыльный* надо, «чтобы сочетающееся с прилагательным слово «вытащило» соответствующую долю значения» из него и «сочетающиеся понятия оказались бы совместимыми», «чтобы они активизировали связанные между собой фреймы» [Кубрякова 2004: 22].

Кроме того, лексическое значение неофраземы *мыльная опера* догружено оценочными значимостями, о чем свидетельствует речевая практика ее употребления. Приведем примеры:

Произошло это, кстати, легко и естественно, а бесконеч-

ная мыльная опера благополучно продолжалась во времени и пространстве, замыкаясь в кольцевую конструкцию (Звезда, 2002. Пример из Нац. корпуса рус. яз.). В контексте подчеркнут смысл очень большой длины того, что обозначено этим фразеологизмом.

*«Если меня накроет волна грязи – я это переживу» – со стороны это может выглядеть как такая **чернушная мыльная опера**. (Комс. правда, 2013.01.11. Пример из Нац. корпуса рус. яз.). Чернушная – относящаяся к чернухе, то есть к тому, что изображает «исключительно отрицательные стороны действительности, проникнутые духом беспросветности и обреченности, изобилующие сценами жестокости и насилия» (ТСХХ1). В примере подчеркивается что тяжелый период жизни говорящего продлится довольно долго, что напомнило ему мыльную оперу.*

Римо Уильмс, который только что выступал апологетом фастфуда, обескуражен: «Как ты можешь это смотреть? Это же мыльная опера!» И слышит ответ наставника: «Это единственное искусство, которое существует в твоей стране!» (Известия. 2014.04.11. Пример из Нац. корпуса рус. яз.). В контексте подчеркнуто негативное отношение к произведению и низкая оценка его первым говорящим.

*Я, признаюсь, если бы лично не присутствовала там и не проверяла потом полученную информацию, подумала бы, что это **высосанная из пальца мыльная опера**, а герои – подставные. (Комс. правда. 2012.06.15). Пример из Нац. корпуса рус. яз.). В контексте говорится, что в сериалах типа мыльной оперы нет правды жизни, изображаемые ситуации и персонажи выдуманные, неубедительные.*

Подобные парадоксальные выражения словно бы составляют оппозицию стандарту реальной жизни. Парадоксальные конструкции отдаляют содержание от референции (привязки к реальному миру вещей) и в то же время заостряют внимание на свойствах характеризуемых во фразеологизме объектов.

В семном составе семантической структуры опорного слова словосочетания *мыльная опера (опера)* нет реальных сем, которые бы стимулировали эмоционально-экспрессивные и оценочные значимости этого фразеологизма. Однако в качестве потен-

циальных в семантике слова *опера* можно выделить семы «длительность», «растянутость», «нудность», «необходимость затратить определенные усилия и много времени на прослушивание всей оперы или просмотр спектакля», «необходимость быть в оперном театре для усвоения оперы» и т. п., которые положительных эмоций не вызывают у людей с неразвитым музыкальным вкусом, не воспринимающим оперное искусство. Эти семы поддержаны лексической парадигмой «музыкальные произведения вокала»: *романс, песня, частушка* и другие легкие, простые и короткие жанры. Слова *мыльная* и *мыло* также в реальном семном составе своих основных лексических значений не содержат тех негативных смыслов, которые получила фразаема. Однако потенциальные семы этих слов, навеянные ощущениями человека от процесса намыливания, можно определить как «нечто тягучее», «надоедливое», «вязкое», «не отцепляющееся само по себе». Потенциальные семы двух смысловых структур в комплексе и создают негативную прагматику фразеологизму *мыльная опера*.

Панорама потенциальных смыслов раскрывается в новых контекстах. Появившееся фразеологизированное значение словосочетания репрезентирует уже новые концепты, поскольку семантическое преобразование словосочетания основывается на смене образа и смене представления денотативной ситуации. «Актуализация в слове его внутренних ресурсов (потенциальных сем) опирается на формирование в нем нового смыслового содержания или просто событийного смысла» [Алефиренко 2009: 19]. Репертуар мотивировок и комбинация структурно-морфемных элементов у компонентов фразеологизма способствует созданию дифференциальных семантических свойств. В той или иной степени все единицы языка содержат прагматическое содержание в своих значениях, обусловленное еще и субъективной модальностью, исходящей от говорящего, поскольку, концептуализируя действительность, «человек не может выйти из круга своей жизни» [Потебня 1976: 256].

Парадокс играет важную роль в формировании неофразем, поскольку он создает тот глубинный смысл и ироничную оранжировку, ради которых они и создаются. Подтекст передает субъективную информацию, сопряженную с речевыми намере-

ниями адресата, которая не следует из объективного содержания высказывания и является важнейшим элементом смысловой организации фразеологизма и составляет основу его «смехового антимира» (выражение Д. С. Лихачева). Подтекст чрезвычайно важен для формирования юмористического эффекта фразеологизма, поскольку вся подтекстовая информация является эмоциогенной и экспрессивно насыщенной. В самом тексте могут быть сигналы подтекстовых смыслов. В конструкции словосочетания подобными сигналами являются семантическая и оценочная несогласованность лексических элементов фразы, выражающая противоречивость ее прямого и переносного смыслов.

Знание обозначаемого предмета и его свойств является концептуальной (смысловой, структурной и материальной) базой для фразеомообразования, однако в каждом из отдельных номинативных актов весь круг общекультурного фона объекта, безусловно, не используется. По отношению к смысловой структуре слова как семемы внутренняя форма далеко не всегда нейтральна, часто она выдвигается на первый план и во многом обуславливает семантику слова. Однако эта обусловленность ещё не исчерпывает потенциальные возможности формирования смыслов слова в конкретных употреблениях в различных высказываниях, поскольку они так или иначе всегда дискурсивно ограничены. Поэтому для актуализации смыслов семантической единицы важны её дистрибутивные связи в тексте и особенно – обновление этих связей.

Итак, фразеологизация свободного словосочетания сопровождается серьезной трансформацией семантических параметров всех его компонентов, сочетаемости каждого из них, приобретением нефраземой прагматических значимостей разного типа.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н. Ф. Живое слово» Проблемы функциональной лексикологии. Монография. – М., 2009.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.

Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1972.

Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания.

1995. № 1.

Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия АН. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63. № 3.

Новиков Л. А. О контекстном смысле слова // Филологические науки. 2002. № 5.

Потебня А. А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. – М. 1976.

Раевская О. В. Прилагательное как фактор семантической многомерности текста // Филологические науки. 2003, № 6.

Словари

МАС-2 – Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981.

ТСХХI – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика | Под ред. Г. Н. Складневской. – М., 2007.

©*Шипицына Г. М., 2018*